

Поэт, член Союза писателей России, Гл редактор альманаха «Рукопись», Автор четырех венков сонетов «Весенний венок», «Летний венок», «Осенний венок», «Зимний венок».

ОСЕННИЙ ВЕНОК

Кто разгласил свою любовь, тому спасенья нет.

Мир Таки Мир

1

Благодарю, осенняя пора,
за ранних вечеров прохладный воздух,
за строчки птичьих стай, прощально-поздних,
возникших из-под сумерек пера.

Благодарю за тот огонь костра,
что искрился в кометах длиннохвостых
и пролетал пустынный перекрёсток,
и отпадал, как мёртвая кора.

Реальность в дым превращена была.
И мне дарили горсточки тепла
оранжевые блики светофоров.
Но это начинался листопад,
и были в нём и твой влюблённый взгляд,
и твой капризный и превратный норов.

2

И твой капризный и превратный норов –
штиль урагана, буйство тишины –
легко проник в меня, как плеск волны,
влетевшей в бухту из морских просторов,

как лёгкий плеск гитарных переборов,
отображённый твёрдостью волны.

Ты вся была, как в пальцах – дрожь струны,
дыханье умирающих аккордов.

И не было молчания и сна,
и уходила в глубь небес луна –
за ней тянулся след из метеоров,
сгоревших звёзд и взорванных планет.
Но видел я лишь твой туманный след
и облачную тяжесть влажных взоров.

3

И облачную тяжесть влажных взоров
я ощутил всей хрупкой силой плеч.
Покой, что вечность не смогла сберечь,
похищен был и на клочки разорван.

Такого я ещё не знал позора,
такого пораженья жизни всей,
когда на полотне души моей
пытался всяк свои писать узоры.

Но только ты их вывести сумела
графитом ночи, звёзд летящих мелом
и огненную кисточкой костра.
И я впервые следую упорно
туда, где даль закрыта дымкой черной –
там первые морозные ветра.

4

Там первые морозные ветра,
как в дудку, дую в телеграфный провод,
вдруг незаметно жалят, словно овод, –
душа моя, не жди от них добра.

Там, впереди – декабрь, как гора.
Мгновенно счастье – это ли не довод?
Но краткость бытия – ещё не повод
сдаваться нам на милость декабря.

Пока ещё дела вершатся ладом,
то сердце у земли не вырвет атом.

Но трещинка на кончике ребра
всё ширится, и боль тебя пронзает –
острее нет. Не потому ль – кто знает? –
в твоих кудрях вкрапленья серебра?

5

В твоих кудрях – вкрапленья серебра.
Вокруг зрачков – голубоватый иней.
И жилкой на виске рельефно-синей
жизнь бьётся, годы в русло собирая.

Ты временем пронизана. Стара
земная карта этих синих линий.
«Не падает ползущий». Прав ли Плиний?
Из туч ползущих льёт как из ведра.

И верится – не ляжет никогда
на эти веки тьма кусками льда
и не закроет майские просторы,
где зеленеет вечная трава...
Листва кружится, как твои слова,
что прозвенят метелью лёгкой скоро.

6

Что прозвенят метелью лёгкой скоро
те звёзды, по которым загадал –
не ведал я, взлетевший, как Дедал,
и от земного отвративший взоры.

Внизу осталась ты. И, нету споров, –
я был, как лист, взметённый ветром, мал.
И всё же тот ничтожней, кто блуждал
среди им же понастроенных заборов.

Вот, человек, твой жалкий лабиринт,
Твоя душа в его ходах царит,
как будто нечисть в ящике Пандоры.
Пускай уж всё покроется вокруг
листвою палой. Приходи, мой друг!
Ты кто мне, осень? – Только не опора...

7

Ты кто мне, осень? – Только не опора.
Я родственница ветра и дождя.
Люблю я, ранних сумерек не ждя,
день в тучи умыкнуть, подобно вору.

Мне до луны – все ваши разговоры.
Я без царя в башке и без вождя.
Я вас люблю, у вас ко мне – вражда,
но я рождаю корень мандрагоры.

Я кладовые с верхом засыпаю,
и с первыми снегами засыпаю
и вижу сны цветные до утра.
Но утра нет. Зари застыли угли.
О том, что краски все мои пожухли,
последний лист мне прошептал вчера.

8

Последний лист мне прошептал вчера
твои слова, в которые не верю.
Ещё и птице в небесах, и зверю
в лесу дремучем – сладкая пора.

И мне с тобой прощаться не пора,
хоть нету счёта горестным потерям.
И дворники по улицам и скверам
сметают в кучу листья для костра.

Идёт мой путь извилисто и круто,
и нету сердцу моему приюта,
и незнакомо сердце с тишиной.
Как и твоё, болит оно. И всё же
услышал я, как ночью непогожей
последний гром ударил надо мной.

9

Последний гром ударил надо мной,
и небосвод погас при этом звуке.
Как две реки, твои струились руки
и у меня сливались за спиной.

Я ждал уже свидания с весной.
И не бывало беспощадней муки,
чем знать, что ты идёшь к своей разлуке,
не чувствуя, кто этому виной.

Во тьме уютно лишь кротам и совам,
и тем, кто вечным холодом закован.
О, как ты дышишь кожей ледяной!
Скажи, куда твой жаркий пламень канул?
Проснись же огнедышащим вулканом!..
И дрогнул под ногами шар земной.

10

И дрогнул под ногами шар земной,
и вырвался из клетки дикий атом.
И над планетой демоном крылатым
пронёсся, осыпая землю тьмой.

Осунувшейся, плачущей, больной
ты шла под этим пепельным закатом.
Казалось человечество распятым
на водородной туче над тобой.

И не было живой души окрест,
и над землёй – лишь адский этот крест,
пылающий от края и до края, –
зола от рая, что сгорел дотла...
Упал твой голос сгустками стекла
и покатился, скорость набирая.

11

И покатился, скорость набирая,
истории людской последний век.
И о любви забывший человек
бежал стремглав от лая и от грая

к той осени, где листья, озаря
сырыми отсветами – сон усталых век,
стекали в русла двух иссохших рек,
светившихся, на полночь невзирая.

Но то струились Ахерон и Лета.
Пустая в пустоте неслась планета,
и ни души не видел он кругом, –
ни мёртвой, ни живой. И с небосвода
луна катилась в мертвенные воды,
как будто вниз по склону снежный ком.

12

Как будто вниз по склону снежный ком,
летела в пропасть времени планета.
Плевать, коль даже Бог плевал на это.
Кто хочет жить во времени таком?

Кто с временами года не знаком?
Из осени, зимы, весны и лета,
скажите, кто не собирал букета,
любуюсь каждым цветом и цветком?

Но друг за другом отмирали стебли,
и вдалеке – в забытом Богом небе –
отмершие секунды кувырком
неслись, как листья, кучками и вроссыпь.
И, как песок, в глаза летела осень,
и время обдавало ветерком.

13

И время обдавало ветерком
уже не злым, а ласковым и нежным.
И, словно распутившийся подснежник,
любовь твоя сияла всем кругом.

А может быть, она другим цветком
тянуться стала к высоте безбрежной,
и то, что было осенью предснежной,
весенним обернулось вдруг теплом?

Отгадывать мне было недосуг.
Я видел только твой цветущий луг
и, неизбежность чувства принимая,
стремился вновь ожить в твоей судьбе.

И потому казался сам себе
рождённым на полях цветущих мая.
14

Рождённым на полях цветущих мая
неведома осенняя игла,
в которую, как нить, продета мгла.
Но эта нить, по счастью, золотая.

И, от цветка к цветку перелетая,
в последней вспышке света и тепла,
душа моя, как сонная пчела,
вдруг встрепенулась, крыльями блистая.

И, опьянев от терпкого нектара,
она забыла о судьбе Икара
и поднялась туда, где лишь ветра
и где само существование зыбко.
И всё ж тебя за слезы, за улыбки
благодарю, осенняя пора.

15

Благодарю, осенняя пора,
и твой капризный и превратный норов,
и облачную тяжесть влажных взоров, –
там первые морозные ветра.

В твоих кудрях – вкрапленья серебра,
что прозвенят метелью лёгкой скоро.
Ты кто мне, осень? – Только не опора,
последний лист мне прошептал вчера.

Последний гром ударил надо мной,
и дрогнул под ногами шар земной,
и покатился, скорость набирая,
как будто вниз по склону снежный ком.
И время обдавало ветерком,
рожденным на полях цветущих мая.

